

Полный Мандельштам, или учебник овладения миром | Mandelstam complet, un manuel d'appropriation du monde

Auteur: Жорж Нива (перевод И. Мироненко), [Париж-Женева](#) , 07.05.2018.

Осип Мандельштам (1891-1938)

Жан-Клод Шнайдер перевел на французский язык все сочинения великого поэта и издал его наследие в виде двухтомника.

Jean-Claude Schneider a traduit tous les écrits du grand poète russe qu'il a présenté en deux volumes.

Mandelstam complet, un manuel d'appropriation du monde

Если и есть в русской поэзии и ее мартирологе легендарный поэт, то это Осип Мандельштам. В Мандельштаме человек и поэт слились воедино, хотя в нем не было ни малейшего следа романтизма, культа поэта. После «половодья бури и натиска» поэзия, по его словам, вернулась в свое естественное русло. Естественное русло поэзии, его поэзии – это постижение мира с потрясающей немногословностью, безошибочное распознавание любой лжи в жеманстве культуры или в беспощадности истории. Его тексты – как поэтические, так и прозаические – почти кристаллографически однородны, они образуют мистический многогранник, совершенно отчетливый, но с трудом поддающийся расшифровке.

Век, названный им «веком-волкодавом», физически его уничтожил, а анонимная смерть в пересыльном лагере Гулага близ Владивостока вписала его в великий мартиролог жертв Сталина. Он и вправду подписал свой смертный приговор, прочитав нескольким друзьям знаменитое восьмистишие: «Мы живем под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны», в котором кремлевский горец с жирными пальцами, окруженный «сбродом тонкошеих вождей», смакует каждую казнь. Мандельштам, воспевавший структуры напряженности мира, – самый греческий из русских поэтов, который наряду с ребрами Нотр-Дама прославил ролики Чарли Чаплина, – окончил свой краткий земной путь, как дантовский Уголино, в «тюремном перегонном кубе», где люди обречены на нескончаемый бред. Верная спутница Надежда, остававшаяся рядом с ним на протяжении всей его жизни и вместе с ним дождавшаяся окончательного вердикта, описала его губы, которые всегда что-то мурлыкали, когда он слушал музыку. Моцарт или Бах – имена этих музыкантов, создавших иную вселенную, приходят на ум, когда заканчиваешь читать французский двухтомник русского поэта-прозаика.

Осип Мандельштам

Мандельштам умещается в двух томах и вмещает в себя все. Конечно, в переводах не было недостатка – можно вспомнить тексты Мишеля Окутюрье или Луи Мартинеза, возможно, более виртуозные, но фрагментарные. Но вот появился полный Мандельштам, какой безумной ни казалась бы затея.

Мы обязаны этим [Жан-Клоду Шнайдеру](#). Что касается издательств Le Bruit du temps и La Dogana, то, в силу самого названия, с момента рождения они уже встали под знамена Мандельштама, а в 2012 году опубликовали его биографию, написанную Ральфом Дутли. (Dutli Ralph. Mandelstam, Mon temps, mon fauve / перевод с нем. Marion Graf. Genève : La Dogana, 2012. Дутли тоже, до Шнайдера, перевел всего Мандельштама, но на немецкий. Нам трудно судить о художественных достоинствах его переводов, однако анализ творчества поэта-мученика побудил его написать эту книгу, прекрасное введение к Мандельштаму-поэту и Мандельштаму-человеку.)

Разумеется, чтобы взяться за подобное дело, потребовались годы страсти и зачарованности, но еще и терпения. Вся поэзия, вся проза, минимальный, но точный критический аппарат, который не погребает под собой поэта: ведь Мандельштам – это Эдип, породивший множество толкований.

Особая смелость требуется для того, чтобы переводить неясное, потому что необходимо избрать те стороны темного полиэдра, на которые будет пролит свет. Шнайдер остановил свой выбор на компактности. И это, безусловно, наилучший метод. Ведь поэзия всегда стремительней, чем проза, а у Мандельштама в особенности. Великие стихотворения «Нашедший подкову» или «Грифельная ода», в которых переплетаются влияния разных русских поэтов, а в словах рождается и умирает метафоризм, одновременно кратки и необъятны. Переводчик сталкивается с необходимостью многократно делать нелегкий выбор: например, передавать или нет отсутствие глагола, которое в русском языке вообще и у Мандельштама в частности не только не лишает текст стремительности, но и добавляет ее. «Как мертвый шершень возле сот, День пестрый выметен с позором» («Balayé comme frelon mort près du miel,/ Le jour rutilant, sa flétrissure»). Не хватает глагола, который, однако, здесь присутствует, и этот паратаксис, отсутствие синтаксиса становится вполне удачным решением, чтобы сохранить потрясающую компактность мандельштамовского стиха. Мандельштам – минералог, почитатель Ламарка и Линнея, Палласа с его атласами цветов и камней – несомненно, одобрил бы такой подход. Глядя на лес своим поэтическим взором, он говорил: «Вот лес корабельный, мачтовый» («Ceci est la forêt, vaisseaux et mâtures»), распознав будущие корабли, шквалы, войны, неутолимую жажду пространства...

Воронежская ссылка, возродившая в нем поэта, также дала его творчеству очистительный толчок: эллинский эстетизм отступил перед налетевшей мощью, перед порывом первозданного ветра, который все упростил:

Влез бесенок в мокрой шерстке –
Ну, куда ему, куды? –
В подкопытные наперстки,
В торопливые следы;
По копейкам воздух версткий
Обирает с слободы.

*Grimpé, démon à poil moite -
Et où va-t-il ? où ça ? -
Aux dés dessous les sabots
Dans les traces hâtives
Des faubourgs un vent militaire
Rafle tous nos kopecks.*

Можно было бы написать комментарий в версту длиной, начать византийский спор, сделать ставки, как в казино, или сбежать с воплями «спасайся, кто может»... В мудром примечании комментаторов сообщается, что говорила о сюжете стихотворения вдова поэта, Надежда. По дороге к монастырю Осип рассматривал лужи с ржавой водой, следы от лошадиных копыт («наперстки», как сказано в стихотворении) и обдумывал только что услышанные по радио новости о процессе над убийцами Кирова, ставшем предвестником Великого Террора. В ту пору поэт, пытаясь спастись, писал «Оду Сталину». Ода не была услышана...

OSSIP
ŒUVRES

MANDELSTAM
COMPLÈTES

La Dogana

Проза Мандельштама была частью Мандельштама-ракеты. Не понятно, первой или второй ее ступенью – то так, то эдак. В любом случае, они очень близки друг другу. Несмотря на то, что в прозе используются другие приемы, построение очень схоже. За строками всегда можно расслышать музыку. Уши запертого в «крепости забвения» армянского царя «когда-то слушали греческую музыку». И этот вечный отголосок музыки, которая больше не слышна, но продолжает жить, — это сам дух прозы Мандельштама. Его шедевр в прозе, «Шум времени», – это поиски утраченного детства: еврейские бабушка с дедушкой (непостижимый семантический хаос), цирк Чинизелли, химера первой русской революции...

Любой, кто пойдет в бывший Главный штаб, ставший в Санкт-Петербурге огромным приложением к Эрмитажу, где сегодня в роскошной обстановке выставлены полотна французских художников, приобретенные торговцами-коллекционерами Щукиным и Морозовым, должен захватить с собой второй том этого издания и открыть его на странице 522 на главе «Французы». Молодой Мандельштам, отправившийся в Москву, в Музей нового западного искусства, в бывший дворец Морозова (1923-1948), чтобы увидеть коллекции, станет потрясающим спутником по залам! «Тут я растягивал зрение и окунал глаз в широкую рюмку моря, чтобы вышла из него наружу всякая соринка и слеза». Глядя на Сезанна, он восклицает: «Здравствуй, Сезанн! Славный дедушка! Великий труженик. Лучший желудь французских лесов» и начинает понимать, «что такое обязательность цвета». В зале Клода Моне «воздух речной», в зале Ван Гога: «Я никогда не видел такого лающего колорита». Матисса он «невзлюбил»: «Шахские прихоти парижского мэтра!» (об одалисках). Все время рысий взгляд, так смотрит на мир этот астроном, направивший свой телескоп на землю! Глядя на фруктовый сад, он восклицает: «тот же танцкласс для деревьев»! Подкарауливая «век-зверь», он сохраняет хладнокровие, словно охотник перед тигром. И его ужасает мысль говорить о себе, ведь лучше умереть от жажды, чем принять хоть каплю воды из чужих рук. Читая эти два тома, мы постигаем еще одно правило: ни капли фальши!

Ossip Mandelstam. Œuvres complètes. Tome 1. Œuvres poétiques / Edition bilingue établie et présentée par Jean-Claude Schneider, Traduction du russe par Jean-Claude Scheider, introduction, notes et commentaires par Anastasia de La Fortelle. 782 p.

Tome 2. Œuvres en prose / Edition établie et présentée par Jean-Claude Schneider, traduction du russe par Jean-Claude Schneider, chronologie, dictionnaire des écrivains russes mentionnés et bibliographie par Jean-Claude Schneider et Anastasia de La Fortelle. 732 p.

[швейцарская культура](#)

Статьи по теме

[Мандельштам - поэт-пария](#)

[Ральф Дутли: «Мандельштам – русский классик 20 века»](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/culture/polnyy-mandelstam-ili-uchebnik-ovladieniya-miro>